

Диктант или диктат?

С.С.Неретина

Тема, предложенная П.Д.Тищенко, действительно актуальна и для понимания основных задач диалогической философии, и сама по себе как пропедевтика процесса образования мышления в самом широком смысле слова. Действительно, что значит умение ответить на вызовы – мира ли, человека, Бога, если вначале правильно не услышать зов? И что значит правильное слушание (слышание)?

Сама по себе идея диалога культур предполагает, что полное прослушивание предлагаемой точки зрения, и лишь после проговаривания (выговаривания, выголашивания) может вступить в разговор второй (иной голос). Более того, подобное требование – условие любого диалога. «И пусть душа слушателя не успокоится, пока не умолкнет язык говорящего. Ведь речь не завершена, пока что-то можно присоединить к ней, а это и приводит к некоему пониманию», - говорил Петр Абеляр¹.

Павел Дмитриевич, однако, радикализует проблему: он жестко ставит проблему не только выслушивания, требующего внимания, но и *послушания*, внимания требующего не меньше. Слушающий должен правильно исполнить услышанное, даже если это правильное исполнение ведет к абсурду. Если учитель ему диктует (приказывает) посадить луковицы корешком вверх, он не должен его ослушаться. Он должен посадить луковицу именно так.

Вопрос в том, что в таком случае имеется в виду под пониманием, как соотносятся послушание и понимание. Понимание вряд ли предполагает простое послушание. Если это так, то зазор между разнородными внятиями снимается, понимание оказывается плоским, принимая форму исполнения. Речь в таком случае идет не о речи и даже не о диктанте, который можно услышать и не понять, а о приказе, исходящем от диктатора, от властителя над подвластным. Работают ли в таком случае старые – от Августина и Фомы идущие – формулы, вроде: Возлюби или уверуй и думай, что хочешь? Соответствует ли им формула: Научись исполнять и делай, что хочешь?

Я думаю, что это не гомогенные формулы. Первые две связаны со свободой, третья с рабским состоянием. Ни любовь, ни веры не подчинены приказу, в лучшем случае здесь может работать некая регулятивная идея, выраженная в виде образа, голоса или восхищенного рассказа-притчи о некоем состоявшемся образцовом событии. После того, как уверовал или возлюбил, и приказу можно подчиниться, если он исходит от любимого существа. Но после выучки только и исключительно подчинению свободным можно стать только по желанию господина или ценою жизни.

Если понять значит понять приказ и исполнить его, а не осмыслить, то многие вещи могут остаться для нас недоступными. Если такое понимание могло бы подтвердиться, это означало бы, что сама структура нашего мышления мешает нам не просто создать нечто новое, но даже просто воспроизвести многое из того, что мы делаем, потому что, сажая луковицу корнями вверх, мы луковиц больше не получим, даже если будем очень послушны.

Аристотель считал рабами не столько тех, кто попал в плен, сколько тех, кто занимался трудом по изготовлению и употреблению (в пищу, например) ремесленных вещей. Даже лично свободный, не участвовавший в жизни полиса, в народном собрании, в том, что называлось политической жизнью, где каждый и себя показывал, и старался нечто сделать лучше ради блага общества с помощью всего лишь слова, был не слишком-то свободным, поскольку не старался преобразовать речью что-то. Парадоксальным образом труд по добыче пищи и денег ускользал из деятельности понимания, диктат доставался тирану, даже если это был просто глава семьи, а весомым полагалась добыча славы, именно она принадлежала жизненному опыту (вопреки представления поэта XX в.:

¹ См.: Петр Абеляр. Теологические трактаты. М., 2009. С.249.

«мелкие пожизненные хлопоты по добыче славы и денег/к жизненному опыту не принадлежат»). Дело не в том, чтобы сейчас показать, как одно перешло в другое, а в том, чтобы осознать понимание не как чистую диктовку, не как исполнение приказа. Перейти от первой сущности, то есть от своей собственности, направленной на поддержание жизни, ко второй, обладающей общезначимостью, означало перебраться через пропасть бытия (связка «есть») к свободе говорения: мы знаем, что вторая сущность – это осмысленное и ответственное высказывание о множестве вещей, которым тем самым даровалась вечность. Философы говорили еще и о досуге как о высшей сосредоточенной деятельности мышления и рассуждения. Диктант, кстати говоря, означает приобретение навыка, научение, осмысленный повтор, направленный на приобретение коммуницирующей способности, желания общения, ментальной лабильности, а не жесткий императив. При условии, о котором говорил Павел Дмитриевич, что диктующий голос и переложение его в написанные слова не одно и то же, получить правильный результат можно только свободным волеизъявлением к такого рода общественной коммуникации. В противном случае ученик имеет право (поскольку голос и письмо – не одно и то же) написать нечто противоположное услышанному и ссылаться на нетождественность слуха и письменного выражения услышанного, нимало не заботясь о единстве необходимого (пассивного) и активного участия в деле диктовки.

В диалоге «Об учителе» Августин говорил о двунаправленности звука: в органы слуха, где сам звук опознается как этот, и в ум, где происходит осмысление услышанного, его соотнесению с вещью, о которой говорят. Такое осмысление и соотнесение вкупе с опознанием не позволяет выполнить неточный приказ, если речь идет о понимании, а не о рабском исполнении приказа.

Более того, когда нечто диктуется (и диктуемое, то есть вслух произносимое нечто, подлежащее повторить), само это нечто, диктуемое, не содержится в диктанте (в диктуемом, выраженном причастием настоящего времени). Оно, не выраженное, является причиной диктанта, но не самим диктантом. Это оно метафизично, а не диктант, а потому оно не может быть выражено чисто физически. То, что диктуется, – одно и то же и когда диктуется и когда не диктуется. Потому физическому исполнению подлежит лишь то, что в диктанте совпадает с истиной вещи, а если нет, то нет. Так, во всяком случае в западной традиции, предполагающей оглядку на свободу, соответственно – на свободный поиск соответствий, а не на жесткую заданность. При такой оглядке на свободное искание само необходимое и должное выглядят не как направленное к исполнению, а как исконное право вещи быть так, как она есть, вопреки твоему желанию. В этом смысле правильно диктуемое тождественно самому диктуемому, а в таком случае приказ посадить луковицу обратной стороной не имеет смысла и не должен быть исполнен при осмысленной позиции слушающего и записывающего диктант.

О смысле правильного высказывания говорит Ансельм Кентерберийский в диалоге «Об истине». Я сказала: о смысле, потому что Ансельм различает концептуалистский и номиналистический способы выражения того, что есть, или того, чего нет. Ведь нет луковицы, полученной от того, что ее посадили обратной стороной. Концептуалистский способ – это единство обозначения и обозначаемого (в нашем случае продиктованного и того, о чем диктуется). Этот способ выражает истинность и правильность высказывания. Номиналистический способ предполагает возможность высказывания чего-то потому, что в речи есть способность обозначения, и применение этой способности не обязано правильно выражать существующую вещь как существующую, она есть проявление только этой способности обозначать. Если первый способ обозначения можно назвать истинным, поскольку в нем всегда присутствует то, о чем говорится, то второй – переменным, потому что то, о чем речь, в нем присутствует привходящим образом, случайно, в соответствии с употреблением². Иными словами: не всякое слово есть дело, соответственно не всякое диктуемое подлежит исполнению.

² Ансельм Кентерберийский. Об истине// Ансельм Кентерберийский. Соч. М., 1995. С. 171.

Более того, в любой речи всегда содержится активный и пассивный импульсы. Латинский язык это сумел прекрасно это выразить, и не только тем, что в нем имеются так называется депонентные глаголы, имеющие форму пассивного залога, а значение активного. В нем пассивные глаголы предполагают наличие подлежащего, которое вместе выражает и субъект и объект. «Videor» (глагол 1 лица) означает не только то, что меня видят (где я – объект), но предполагает наличие такого я-субъекта, которое активно участвует в создании ситуации, при которой виден этот я-субъект. Это значит, что одно и то же может иметь о себе разные суждения, и эти суждения не предполагают немедленного исполнения или послушания без разбора. Ансельм предлагает рассмотреть такое выражение: «Я должен быть любим тобою». Ведь если это я действительно должен, то я и являюсь должником, и это «моя вина, если я не любим тобою», потому что моей активности не достало, чтобы ты меня любил, так как ты меня любить не должен. Это первый смысл высказывания. Второй смысл происходит от переноса акцента с меня на тебя: это не я должен любить тебя, а я должен быть любим *тобою*, то есть любить-то *ты* должен меня. Это значит, по Ансельму (и почему бы не по-нашему?), что о должном и недолжном говорится не в собственном смысле³. Что же тогда мешает диктант понимать иносказательно, как некий тренинг к постижению собственных смыслов речи?

Совсем удивительный пример приводит Ансельм, размышляя о справедливости, которая равно может быть выражена активно-пассивно (Ансельм говорит о взаимозамещениях причастий настоящего времени активного залога и причастий прошедшего времени пассивного залога). Пример этот таков: «Nis quod studens et legens (активные причастия настоящего времени) didicit, nonnisi coactus (пассивное причастие прошедшего времени) docet»⁴. Перевод этого места таков: «То, что он, учась и читая, выучил, он преподает, только принудив себя к осмыслению». Смысл всего сказанного в этом «coactus» - пассивном причастии прошедшего времени, образованном от глагола «сого», означающем и «принуждать» и «мыслить». Принужденный мыслить, то есть будучи пассивным обладателем способности мыслить, я активно мыслю. Принужденный мыслить и означает просто мыслить. Активность и пассивность образуют мощную, двойную энергию мышления, обязанную этим и самому мыслящему и тому мыслимому, что заставило себя мыслить.

Ансельм поясняет: «это значит, что то, что он выучил, пока учился и читал, он преподает лишь тогда, когда это мыслится (cogitur)»⁵. Глагол «сого» снова употреблен в пассиве, показывая, что «это», то есть выученное и вычитанное, не являются просто диктаторами, приказчиками – они заставляют активно мыслить, обдумывать сказанное, что только и позволяет преподавать, а одной из форм преподавания и является диктант⁶.

³ Там же. С.182.

⁴ Там же. С.192.

⁵ Там же. С. 192 – 193.

⁶ Игнорирование активности пассивно заданного привело к некоей абсурдности перевода этого места на русский язык (при том, что переводчик прекрасно чувствовал необходимость передать эту активно-пассивную сложность): «"Он то, что он, учась и читая, выучил, только вынужденное преподает", что значит, что то, что он выучил, пока учился (studuit) и читал, преподает лишь тогда, когда вынуждается (cogitur).